

и шевелится эпиграмма
Во глубине моей души,
А мадригалы им пиши! [6, с. 86]

В воспоминаниях В. П. Горчакова, созданных на основе его дневников, есть забавный эпизод, относящийся к альбому «светской затейницы»: по ее требованию Пушкин написал ей мадригал, но поставил под ним дату «1 апреля» [8, с. 246—257]. М. А. Цявловский связывает этот эпизод с И. Г. Полетикой [9, с. 212], В. Э. Вацуро — с З. А. Волконской [8, с. 508]. И хотя текст Пушкина был создан раньше описанного эпизода, мемуарное свидетельство В. П. Горчакова является своего рода параллелью к пушкинским стихам, как бы представляя воплощение возможности, обозначенной в приведенной нами строфе.

Альбомная культура пушкинского времени отразилась в пушкинском романе не только в конкретных упоминаниях и описаниях альбомов. В этом отношении представляются интересными наблюдения В. С. Баевского, рассмотревшего альбомную ветвь «легкой поэзии» в «Евгении Онегине». В качестве альбомной лирики им рассмотрены куплеты Трике и ария из «Днепровской русалки», отмечена негативная оценка Пушкиным некоторых жанров альбомной лирики, в частности «пошлого мадригала» [10, с. 48—51]. Думается, однако, что вопрос может быть поставлен более широко: как отразились в поэтической системе «Евгения Онегина» жанры, темы, мотивы и образы альбома первой трети XIX в., его структура, его стилистика? Обширная литература, посвященная альбомам пушкинской эпохи, работы М. П. Алексеева [11], В. Э. Вацуро [12], Ю. М. Лотмана [13], Л. И. Петинной [14, 15], О. Б. Авиловой [16], А. В. Корниловой [17], носящие концептуальный характер, позволяют акцентировать внимание на структурных особенностях альбома (при разнообразии его видов), которые в свою очередь могут быть соотнесены с текстом романа Пушкина.

Определенная аналогия «Евгения Онегина» с альбомом может быть намечена, начиная с самого процесса создания романа. Как и альбом, роман создавался в течение нескольких лет, причем в рабочих тетрадях (своего рода альбомах) его строфы и сопровождающие многие из них рисунки попадали в контекст других произведений и рисунков Пушкина. Если альбом при некоторых правилах заполнения был достаточно свободен по построению, то и роман Пушкина, имея в конечном счете стройную композицию, изначально мыслился его создателем как свободный роман. И альбому, и пушкинскому роману свойственна установка на болтовню, диалог. При этом, пожалуй, именно связь с альбомной культурой может быть объяснена указанная Ю. М. Лотманом особенность пушкинского текста, в котором некоторые намеки были понятны только узкому кругу друзей, но недоступны для многих читателей [13, с. 9—10]: альбомный диалог, вовлекая все новых и новых авторов альбомных записей, сохранял тайны, доступные лишь посвященным.

Анализируя круг альбомных тем, Л. И. Петина определила их смысловые противостоящие друг другу центры: жизнь и смерть, сиюминутное и вечное. Альбомное творчество раскрывало и многообразно варьировало темы скоротечности жизни, юности, призрачности счастья, суеты земного бытия, прощания, надежды, любви, дружбы, живого общения [15]. Все эти темы широко представлены и в «Евгении Онегине». Особо следует отметить тему памяти, воспоминания. Эта тема пронизывает альбомы, часто начинаясь с первой записи самой хозяйки:

На память всех кто меня любит,
Прошу в альбоме сем писать... [18]

Родственники, друзья, поклонники — все так или иначе, каждый по-своему развивали эту тему:

Быть в памяти твоей,
Вот цель души моей [19].
Любить тебя меня ты научила